

Командир отряда глядел на двух бывших беленьких и чистеньких девочек, превратившихся в это состояние, и в ярости кинулся на хулиганов. Он схватил с земли ветку и принялся хлестать их изо всех сил. Врачи уже сказали: кроме содранной кожи, ничего серьезного! Увидев, что сам командир пошел в рукопашную, все, независимо от того, как они ладили со Старшим дядей Лян, кинулись избивать эту компанию. Трех девочек так избили, а восемь мужиков остались белыми и чистыми — кто бы это стерпел?

Они думали, что Лян Чунь пострадала больше всех, но даже не предполагали, что они не пощадили и тех, кого помогались.

Лян Сысы и Лян Тин сейчас выглядели, мягко говоря, неприглядно. Лян Чунь и Лян Цзию подбежали их утешать, но даже не знали, как подступить.

Их новые кофточки были в лохмотьях, ватные куртки рвануты, из них лезла пожелтевшая и почерневшая вата. Волосы стояли дыбом, резинки и заколки потерялись где-то, на голове виднелась кровь. Лица были раздуты, словно две паровых булочки, и все в крови. У Лян Сысы от конца правой брови шла рана длиной сантиметров три-четыре. У Лян Тин рассечен левый лоб — глубокая рана, и кровь медленно окрашивала половину её лица.

Глаза раздулись, словно грецкие орехи, губы были искусаны в кровавое мясо — похоже, они сами себя грызли от боли. Зубы тоже были в крови — они так сильно сжимали челюсти, что повредили десны.

Неведомо сколько было ран на их телах. Людей вокруг было много, так что осмотреть их толком было нельзя, но по рукам было видно, что пострадали они серьезно. У Лян Тин сломались два ногтя, тыльные стороны рук обеих девочек были в кровь, к ним прилипли мелкие камешки и песок. Ладони Лян Сысы были тоже изорваны, руки тряслись от перенапряжения.

Одежда и штаны на обеих были в лоскутах, испачканы грязью и кровью. Единственное, за что можно было благодарить судьбу — похоже, хулиганам не удалось их опозорить.

Старая тетя Лян и Мама Лян так переживали, что у них сердце кровью обливалось. Девочки с рождения не знали таких мучений, их дома никогда били по-настоящему, и к тяжелой работе их не приучали. Дочь — это кусочек плоти от матери, и видеть своих девочек в таком состоянии было невыносимо. У обеих матерей возник импульс изрубить эту шайку в фарш и бросить в горы!

Лян Цзию держал Лян Сысы за руку и плакал ручьем, старательно следя, чтобы слезы не капали ей на раненую кожу.

— Мой дом находится немного дальше, давайте сначала зайдём к нам, наберем воды и помоемся.

Из женщин позвать смогла только Старая тетя Лян и Мама Лян. Добрый мужик немного замаялся: ведь он мужчина, и такое предложение могли истолковать превратно. Но потом подумал: вокруг столько народу, чего здесь бояться!

— Спасибо, брат, — Мама Лян выдавила из себя улыбку и искренне поблагодарила.

— Да ладно вам, не за что, — отмахнулся добрый мужик.

Он окликнул своего знакомого, велел тому позвать жену, а сам поспешил вперед показывать

дорогу.

Лян Цзию со своим приятелем, а также Лян Чунь взяли девочек под руки с обеих сторон. Старая тетя Лян и Мама Лян, полунеся детей, разговаривали с добрым мужчиной.

Этот мужчина был добрым человеком, но любил сплетни и суету. Хотя он и сочувствовал девочкам, любопытство брало верх, и он всё время поглядывал на них. Лян Сысы и Лян Тин теперь очень боялись чужих, и при его пристальном взгляде они жались к спинам своих матерей.

— Извините нам, это...

— Ничего, я мужик грубый, не обратил внимания, — смутился добрый мужчина, почесал затылок и вздохнул. — Такие хорошие дети... Грех это! У него самого была дочь, и он ненавидел Цюй Хэ до смерти. Если бы сегодня с его дочерью случилось такое, он бы этого маленького подонка Цюй Хэ избил до полусмерти, плевать ему на его высокий чин, сначала бы отлупил, а потом думал.

— Сестрички, не волнуйтесь, по этому делу обязательно будет результат. Столько сельчан видели — мы не дадим делу так просто пройти!

Когда они пришли на место, добрый мужчина отворил ворота двора, взял факел, вошел внутрь и зажег масляную лампу.

— Девочки эти с характером крепким, в жизни еще помогут! — Добрый мужчина привел их на кухню.

Выходя, он еще раз сказал это, а затем вышел ждать возвращения жены.

Оставаться здесь одному мужчине было неудобно, но он не боялся, что они что-то украдут. Не говоря уже о том, что зерно было спрятано надежно, в такое время никто не стал бы заниматься таким низким делом, как воровство.

Лян Цзию с друзьями помогали греть воду и развлекали сестер, пытаясь их отвлечь. Лян Сысы и Лян Тин не хотели их расстраивать и старательно улыбались, хотя из-за опухших лиц это было незаметно.

— Сестра Сысы, сестра Тин, вы такие крутые! — Малыш размахивал руками, с восхищением глядя на них. — Столько людей — всех вы побили, реально крутые!

Сказав это, он показал большой палец, и остальные дети, подражая ему, тоже подняли большие пальцы вверх.

Лян Сысы и Лян Тин хотели сказать, что это не они побили тех людей, но лица и челюсти болели так сильно, что они промолчали. Те, кто знал правду, не стали их исправлять. В их сердцах, независимо от того, кто их победил, эти девочки были самыми сильными!

— Еще бы! — гордо вскинул голову Лян Цзию. — Моя сестра очень сильная!

Они в тот момент шли в самом хвосте колонны и отставали далеко, так что не знали, что произошло впереди, и решили, что Лян Сысы и Лян Тин сами побили хулиганов до их прихода.

— Сестры, вы настоящие героини, эти раны — медали доблести! — Лян Цзию льстил им,

показывая жестами на их раны. — Может, поделитесь ранами со мной?

Они только что узнали это из кино: раны на теле мужчины, оставшиеся ради справедливости — это знаки доблести.

— Мне тоже, мне тоже! — другие дети тоже шумно требовали.

Эти три приятеля Лян Цзию были его лучшими друзьями, с Лян Сысы и Лян Тин они тоже были хорошо знакомы и дружили.

— Это не я их побила, эти раны не имеют отношения к доблести, — тихо сказала Лян Сысы.

Внутренняя поверхность ее рта была искусана в мясо, и она говорила очень медленно.

Лян Чунь услышала и тут же подошла, осторожно обняла ее — она не знала, сколько у нее ран, и боялась прижать слишком сильно. Твердым голосом она сказала:

— Сестра Сысы, если эти раны — не подвиг, тогда мне просто сносить голову нечем.

Сказав это, она снова заплакала, обнимая Лян Сысы. Плакала из-за своей прошлой темноты, из-за своей трусости и эгоизма.

— Ничего, не плачь. Если бы ты не побежала назад, мы бы не продержались до прихода моего брата, — продолжила Лян Сысы медленно и мягко, утешая её.

— Цзяньцзюнь, Цзяньлянь, Цзяньвэй, возвращайтесь домой, будьте осторожны. По делу Цюй Хэ я обязательно дам вам ответ. Вы пока присматривайте за дочерьми, не дайте им уйти в себя, — наставлял командир отряда с серьезным видом.

После этого инцидента все увидели, что у Лян Сысы и Лян Тин большой характер и задор. Если они смогут пережить это и отпустить, в будущем у них будет большое будущее. Если же заикнутся — не факт, что выдержат. После такой истории, независимо от того, были ли они «обесчещены» или нет, выходить замуж будет трудно. Хотя вина не на них, любой, кто будет искать невесту, обязательно задумается о чистоте девушки.

— Дядюшка Трое, уж я-то присмотрю за своей девочкой. Наша девочка разве не честная и примерная? Грустить они будут, это точно, но мы живем и поступаем по совести, нам нечего бояться, что бы там ни говорили! — Старший дядя Лян говорил так, словно отвечал командиру, но на самом деле говорил для всех.

Их девочки ничего плохого не сделали, и они не боялись неприятностей. Если бы кто-нибудь с черной душой стал за их спинами судачить про их дочерей, они бы это так просто не оставили.

Лян Цзивэнь дедушка Чжань осмотрел с головы до ног. Убедившись, что у того даже царапины нет, он махнул рукой и отпустил. Ему еще нужно было посмотреть на тех хулиганов. Хотя они были правы, нельзя было давать избивать людей до смерти или инвалидности, иначе при выяснении отношений они могли бы пострадать.

Когда Старая тетя Лян и остальные вернулись, командир отряда велел одеть хулиганов, крепко связать и тащить назад.